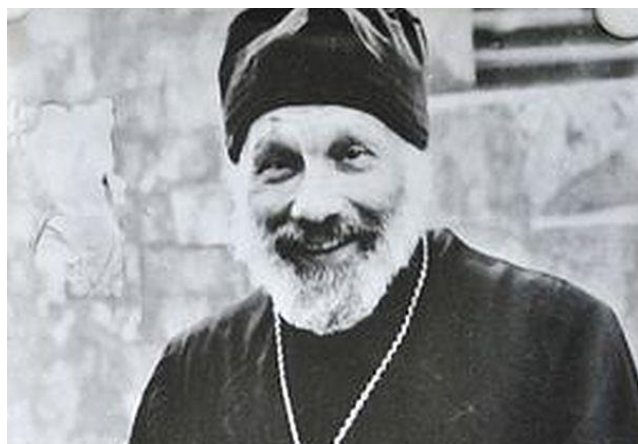

НА РАБОТЕ НИКТО НЕ ЗНАЛ, ЧТО ОН – СВЯЩЕННИК. ЕГО, ПРОФЕССОРА, ДОКТОРА НАУК, НЕМЕДЛЕННО ЖДАЛ БЫ АРЕСТ, УЗНАЙ КТО-НИБУДЬ ПРАВДУ ПРОТОИЕРЕЙ ГЛЕБ КАЛЕДА.

ОН ВХОДИЛ В КАМЕРЫ К СМЕРТНИКАМ

Протоиерей Глеб Каледа (1921-1994 г.г.) - легендарный московский священник, человек неординарной судьбы. Он прошел всю Великую Отечественную войну, был известным ученым-геологом, доктором наук, восемнадцать лет служил тайно священником. Последние годы нес тюремное служение в Бутырской тюрьме. «Рядовой солдат, рядовой геолог, рядовой священник», — так писал о себе в конце жизни герой нашего повествования.

Протоиерей Глеб Каледа родился 2 декабря 1921 года в Петрограде. Отец его, Александр Васильевич, был крупным экономистом, окончил Минскую духовную семинарию и Петроградский политехнический институт. Мать происходила из дворянского рода Сульменевых. Отец Глеб считал себя обязанным ей своим церковным воспитанием.

Нельзя говорить в школе о том, что веришь в Бога. В 20-х годах Глебу еще нет и десяти лет, но он уже знает – их семья необычна, они - верующие. Со всех сторон раздается: “Бога нет!”, а в их доме, за плотно закрытыми дверями, совершается молитва. Только одному школьному другу Глеб Каледа сказал о своей вере, а в остальном круг общения семья вынуждена была ограничить такими же тайными православными христианами. Среди ближайших друзей была семья священника Владимира Амбарцумова, и с его дочерью Лидией Глеб дружил с детства. Отца Лидии Владимировны, духовника семьи Каледа, арестовали и расстреляли; гибель в гонениях ждала и следующих четырех духовников Глеба. Это было время, когда произнесенные вслух слова “я – христианин” почти равнялись словам “я – мученик”, как в эпоху Римской империи.

В 1941 году Глеб окончил школу, собрался поступать в институт, но через несколько дней началась война. Его забрали на фронт, и всю войну будущий пастырь прошел связистом, начальником радиостанции дивизиона “катюш”. На всю жизнь Глеб Каледа запомнил военные годы. “Война – вещь страшная, жестокая, ее не следует смотреть”, – писал он позже. Он говорил о войне, что это было время удивительной духовной свободы – от тебя ничего не зависело. Ты целиком находишься в руках Божиих и поэтому свободен. Живешь так, как Господь сказал: не заботьтесь о завтрашнем дне (Мф. 6: 34) – ведь ты даже не знаешь, будешь ли завтра

жив. Однако даже на фронте не переставал учиться; поначалу дело доходило даже до конфликтов с армейским начальством, запрещавшим носить в солдатском ранце учебники. Однажды Глеба чуть не расстрелял свой же офицер зато, что он за кого-то заступился. Поставил его на краю рва. Потом он говорил: «Если бы я стал сопротивляться, он, скорее всего, выстрелил бы. Но я был спокоен». Тут была моральная победа отца Глеба. А комиссар, видимо, испугался остальных присутствующих. Но для отца Глеба, конечно, это было огромное потрясение. Он даже одеться потом сам не мог. Возможно, имея этот опыт, ему потом было легче найти общий язык со смертниками, к которым он начал **первый** из священников ходить в начале 1990-х. С декабря 1941 года и до конца войны он находился в действующих частях и участвовал в битвах под Волховом, Сталинградом (ныне Волгоград), Курском, в Белоруссии и под Кенигсбергом (ныне Калининград). Его товарищи считали, что он оставался жив только чудом. Вернулся с фронта с многочисленными наградами, в том числе орденом Боевого Красного знамени. Брат же его, Кирилл, с войны не вернулся.

Еще до войны, в старших классах, отец Глеб стал интересоваться геологией. А во время войны он заочно окончил пару курсов иняза и курс Горного института. Прямо на фронте, в окопах. Писал письменные работы – почта полевая работала хорошо... Посему после того, как война закончилась, его отправили в Москву учиться. Глеб поступил в Московский

геологоразведочный институт. Поначалу из таких, как он, то есть демобилизованных, составили отдельную, “слабую” группу Д-1, но позже, увидев, что бывалые солдаты проявляют не меньшие способности к учебе, чем вчерашние школьники, распределили студентов по основным группам. Так началась научная карьера Глеба Каледы, ученого-геолога с мировым именем, **профессора, доктора наук, автора множества работ и исследований** по литологии и петрографии. И все годы научной деятельности Глеб Александрович все так же вынужден был скрывать, что он – верующий...

В 1951 году, окончив институт и поступив в аспирантуру, Глеб Александрович Каледа женится на Лидии Владимировне Амбарцумовой, дочери своего первого духовника. Свадебное путешествие они проводят в геологической экспедиции, да и всю жизнь потом Глеб ни на минуту не позволяет себе отдыхать: он трудится и в выходные, и на работе, и дома, и даже в вагоне метро. Даже на больничной койке, уже будучи при смерти, в свои последние дни заканчивает статьи, редактирует и подписывает оттиски, пишет письма друзьям и близким...

С 1951 года Церковь отчаянно нуждалась в хороших священниках, но явно рукоположить их зачастую было невозможно. И тогда возникла **нужда в священниках тайных...** Только самые близкие люди знали, что в 1972 году Глеб Александрович Каледа, **оставаясь руководителем отдела в научном институте, принял священный сан. Восемнадцать лет в обыкновенной советской квартире многоэтажного панельного дома, выделенной наконец-то многодетной семье ученого Глеба Каледы, в его собственном кабинете,**

за плотно занавешенными окнами совершались богослужения.

Священнической ризой была скатерть, на которую нашивались, а потом каждый раз (после каждого Богослужения – ред.) аккуратно спарывались кресты; подризник хранился среди постельного белья, чтобы при обыске сойти за ночную рубашку. Чашей для Причастия служил новый хрустальный фужер, а для извлечения частиц из просфор был специально куплен скальпель, с которым отец Глеб потом и служил до самой смерти.

Семья отца Глеба Каледы и Лидии Владимировны. Дети: Мария, стала игуменьей Зачатьевского женского монастыря, Иоанн и Кирилл, ныне – священники, настоятели храмов, Александра – жена (ныне - вдова) священника, Сергей – врач, Василий — психиатр, доктор медицинских наук, заместитель главного врача Научного Центра

которая в советские годы возникла из-за того, что власти не поощряли особо близкие контакты священников с мирянами.

На работе никто не знал, что Глеб Каледда – священник. Его, доктора наук, немедленно ждал бы арест, узнай кто-нибудь правду. В то время многие вынуждены были скрываться так годами – не из страха смерти или тюрьмы, нет; просто открытые гонения, как ощущали все, могли в любой момент начаться вновь, и тогда, чтобы в Церкви остались пастыри и совершались богослужения, власть ничего не должна была знать об их тайном служении.

Движение в сторону любви

В 1990 году, когда советская власть уже, можно сказать, дышала на ладан и новых гонений можно было не опасаться, священник Глеб Каледда вышел на открытое служение. Поначалу его назначили служить в храм Пророка Божия Илии Обыденного, в котором семья Каледда была прихожанами много лет, а после того как он стал ректором православных катехизаторских курсов и сотрудником вновь созданного Отдела по религиозному образованию и катехизации, батюшка служил в храме преподобного Сергия Радонежского в Высокопетровском монастыре. Между прочим, именно из катехизаторских курсов впоследствии вырос Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Духовное образование Глеб Александрович Каледда, ученый с мировым именем, ценил не меньше, чем светское.

Почти каждое воскресенье вся семья и немногочисленные посвященные в тайну друзья собирались на Литургию. Раскладывался большой этюдник – престол, и в соседней комнате включалось радио, чтобы даже соседи не услышали: в этой квартире, **как в древних катакомбах первых веков Церкви, втайне от мира совершается богослужение Любви,** принесение бескровной Жертвы.

“У священника, как и у врача, дверь должна быть всегда открыта”, – говорил отец Глеб. Желаящих пройти Таинство Покаяния он исповедовал в своем кабинете часами, но и позже, уже открыто служа на приходе и исповедуя десятки людей, никогда не торопился. Тем более он не признавал практики общей исповеди,

Трудами протоиерея Глеба Каледы был воссоздан храм Покрова Богородицы в Бутырской тюрьме. Первую Литургию в Бутырском храме он совершил на Светлой неделе 1992 года. Постепенно храм преобразился, был сделан алтарь; многие жертвовали туда церковно-служебные предметы. 23 октября 1993 года отец Глеб указом патриарха Алексия II был назначен настоятелем Бутырского храма - первым после семидесятилетнего запустения.

В тюрьме отца Глеба полюбили и охрана, и заключенные. Обитатели камер ждали его посещения, с глубоким уважением относились к нему, упрашивали его побыть с ними подольше. Он уходил от заключенных уже после отбоя и глубоко за полночь возвращался домой. Он был отцом шести детей, и этот опыт отцовства сполна раскрылся в его пастырском служении. К каждому из заключенных он относился как к сыну по плоти, и многие лишь через него впервые ощутили само понятие отцовства. Он очень близко к сердцу принимал все невзгоды, несчастья и падения каждого.

Из письма к жене о. Г. Каледы Лидии Владимировне, пишет заключенный Андрей.

«С самого рождения я не знал, что значит отцовская любовь. И сколько ни пытался, не могу понять этого. И вот уже в тридцать лет, в этом возрасте, когда уже и забыл о том, о чем мечтал в детстве, вдруг встречаешь Человека, который сделал почти невозможное. Поверьте, я был просто потрясен. Этот человек вернул мне почти забытую мечту моего детства. Более того, он воплотил ее в реальность. Я понял и узнал, что такое любовь отца. Такое не передашь словами...»

«Шестой коридор» в Бутырке – это коридор, где раньше сидели смертники, а сейчас сидят те, кто получил пожизненное заключение. Туда не проникнуть человеку с воли, да и мало кто стремится попасть к тем, кого общество отвергло, спрятало за десять замков, признало неспособным к нормальной жизни. Но священник Глеб Каледа приходил к ним, пока у него были силы. Первый раз, когда он туда вошел, надзиратель был за дверью и держал дверь ногой, чтобы она не закрывалась. А потом отец Глеб приходил, говорил, чтобы пришли за ним через час, дверь закрывали, и он сидел со смертниками. Он говорил с преступниками о Христе, исповедовал их, причащал, или просто сидел, обняв смертника и прижав его голову к своей груди, и молился. Он видел, как меняются люди, если чувствуют любовь к себе – и любовь Божию, и любовь человеческую. Нескольких из них крестил, и они пересмотрели всю прошлую жизнь. Отец Глеб неоднократно говорил, что нигде не видел такой горячей молитвы, как в камере смертников.

На исповеди молодой парень-арестант благодарит Господа: «Слава Богу, что я попал в тюрьму (!). Если бы меня не арестовали, я не знаю, чего бы еще натворил. А здесь, в тюрьме, я поверил в Бога!» - вспоминал отец Глеб.

На исповеди молодой парень-арестант благодарит Господа: «Слава Богу, что я попал в тюрьму (!). Если бы меня не арестовали, я не знаю, чего бы еще натворил. А здесь, в тюрьме, я поверил в Бога!» - вспоминал отец Глеб.

«Эту мысль мне разными словами повторял не один арестант. Там, в тюрьмах и лагерях, священник принимает глубочайшее беспощадное покаяние. Человек со слезами кается на исповеди в преступлениях, которые ему следователи не инкриминируют, – это ли не показатель и глубины раскаяния, и доверия к духовнику!»

Когда в камере заключенный говорит: «Если бы мне сейчас предложили выйти на волю или провести месяц в тюрьме, – я бы выбрал тюрьму, – мне многое еще надо узнать и постигнуть», – это значит, что идет перерождение человека! «Если на Вас смотрит просветленное после крещения лицо и полные Любви глаза смертника, бывшего убийцы, то это его лицо и глаза Вы будете носить в сердце до конца дней своих...

А другой смертник говорил: «Я поверил в Бога, когда услышал свой смертный приговор». Позже он крестился. Убийца признавалась: «Я ночами не спала, все молилась: Господи, пришли ко мне священника». Она исповедалась и причастилась на Божественной Литургии в тюремном храме. Помню, как она в первый раз в жизни шла к Чаше. Через несколько месяцев она причащалась вторично. Другой впервые в жизни стал молиться, когда жертва истекала кровью у его ног: «Господи, сохрани ему жизнь!» Молитва преступника была услышана, и одного увезли в больницу, а другого – в тюрьму. А потом, после суда, в тюрьме была первая двухчасовая исповедь со слезами раскаяния за все прегрешения, совершенные в жизни.

Увиденное там еще более убедило священника Глеба Каледу в необходимости отмены смертной казни, ибо, по его словам, «мы приговариваем к смерти одного человека, а казним уже совсем другого»... Надо сказать, что священник Глеб Каледа был практически первым, кто начал тюремное служение после перестройки, а сейчас его дело продолжают уже очень многие пастыри.

8 июня 1994 г. на Литургии после освящения институтского храма Живоначальной Троицы на Пятницкой улице Святейший Патриарх Алексий возвел отца Глеба в сан протоиерея. К этому времени он прослужил в священном сане уже более 20 лет. Вскоре его положили в больницу. В больнице отец Глеб был таким же, как всегда, — спокойным, собранным, погруженным в молитву и мысли о служении Церкви, как будто он не знал о своем смертельном диагнозе. Отец Глеб не жаловался на свои страдания и о болезни говорил мало.

Священник Глеб Каледа скончался 1 ноября 1994 года в Боткинской больнице Москвы после тяжелой болезни. Последние его слова были: «Не волнуйтесь, мне очень хорошо». Похоронен протоиерей Глеб Каледа на Ваганьковском кладбище города Москвы на 13-м участке.

...Наверное, здесь нужно написать о том, как его подвиг всегда будут помнить благодарные потомки, и сказать о том, что сейчас он в раю и молится о нас. Но мы лучше предоставим слово одному из тех, кто знал его при жизни: «Вопреки традициям, я не стану желать Батюшке Царства Небесного – Оно просто создано для таких, как он, иначе и не может быть». Дмитрий, заключенный. Из письма к Л.В. Каледо. <https://foma.ru/dver-kotoraya-vsegda-otkryita.html>